

Содержание

ГОЛУБАЯ ЛАСТОЧКА	5
ГОЛОС ИЗ ВОДЫ	99
МУЖЧИНА В МАСКЕ	149
АРОМАТ ЛЮБВИ	203

The image features five black feathers of various sizes and orientations floating around the central text. One large feather is positioned at the bottom center, pointing upwards. Another large feather is on the left side, pointing right. Three smaller feathers are scattered in the upper half of the image. The background is plain white.

Толудая
ласточка

В глубине женской половины дворца живет та, которую называют «госпожа Ворона», «уфэй».

Хоть она и считается супругой правителя, но ночных обязанностей не исполняет — у нее особая роль. Она неслышно обитает в черных, как вороново крыло, покоях, почти никогда не выходя наружу. Среди тех, кто ее видел, одни утверждают, что она старуха, другие — что это молодая женщина.

Про нее говорят разное: и что она бессмертная кудесница, и что она — страшная демоница. Говорят также, что она пользуется необычным искусством. Говорят, что можно попросить ее о чем угодно: наложить заклятье на ненавистного супруга, вызвать дух давно умершего человека, вознести молитвы или найти утерянную вещь.

Эта наложница живет на женской половине дворца, но император никогда не навещает ее.

А еще она никогда не падает на колени перед императором.

Вот такая она — госпожа Ворона-уфэй.

Шоусюэ, что-то почувствовав, взглянула на дверь.

— Что с вами, госпожа? — спросила служанка Цзюцзю.

Этой ночью тьма насыщенного цвета индиго тихо просочилась из-за решетчатого окна внутрь комнаты. Но облачение Шоусюэ было еще более темным. И платье тонкого атласа с вышитыми цветами и листьями, и юбка с вытканными на цветах птицами — все было чернее воронова крыла. Наброшенный на плечи черный шелковый шарф, расшитый обсидианом, сверкал таинственным блеском, стоило только шевельнуться.

— Кто-то идет, — коротко ответила Шоусюэ и встала со стула.

Под ногами суетливо заметалась золотая курица, Синсин. Почти сразу из-за двери раздался голос:

— Госпожа Ворона-уфэй, вы дома?

Голос, принадлежащий молоденькой девушке, чуть дрожал — то ли от страха, то ли от напряжения.

— Я пришла к вам с просьбой.

Каждый приходивший сюда произносил эти слова. Они звучали как заклинание, открывающее путь к Шоусюэ, госпоже Вороне, и ее благосклонности.

Найти потерянное, призвать духа или наложить проклятье. Вот зачем они приходили, та-ясь от чужих глаз.

Шоусюэ вытянула руку и мягко шевельнула пальцем, словно потянула за невидимую нить. Дверь беззвучно открылась. Внутрь заглянула густая тьма, а слабый свет луны озарил застывшую на пороге девушку, похожую на прислужницу. Посетительница была одета в простое платье жуцунь. Лица не видно — голова покрыта белой шелковой вуалью. Девушка быстро проскользнула внутрь, как будто прячась от кого-то, и легонько выдохнула.

— Что за просьба? — прямо спросила Шоусюэ.

Девушка подняла голову, и из-под вуали донесся тихий изумленный вздох. Гостя то ли удивилась тому, что Шоусюэ — юная девица лет пятнадцати-шестнадцати, то ли была поражена ее абсолютно черным нарядом.

— Это вы — госпожа Ворона-уфэй? — Судя по тому, как нерешительно она это спросила, видимо, девушку все-таки удивил возраст.

— Да, а что?

Шоусюэ утомляли эти разговоры. Услышав грубоватый ответ, девушка на некоторое время замолчала, а затем без всяких церемоний быстро шагнула к ней.

— Прошу, помогите мне.

От этого внезапного порыва Шоусюэ отшатнулась назад. Девушка под вуалью задышала чаще.

— Мне больше не на кого рассчитывать, кроме вас, госпожа Ворона. Прошу...

— Так скажи, о чем ты пришла просить!

Рука девушки протянулась к Шоусюэ, но тут же отдернулась, прижавшись к груди. Посетительница переплела пальцы — они заметно дрожали — и с трудом сглотнула.

— Вернуть душу... — Высокий голос девушки снова стал прерывистым.

Шоусюэ поняла, что это не страх и не напряжение. Девушка загнана в угол.

— Я хочу, чтобы вы оживили одного человека.

Девушка никак не могла унять дрожь в руках. Она хотела еще что-то сказать, что Шоусюэ подняла руку, останавливая ее.

— Я не умею оживлять мертвых.

Девушка то ли закричала, то ли застонала. Шоусюэ, не обратив на это внимания, продолжила:

— Мне под силу призвать духа: один раз вызвать его в наш мир. Большого мне не сделать. Не потому, что я не хочу. Я не могу.

Она говорила медленно, чтобы дать гостье понять эти слова. Плечи девушки опустились. Она часто задышала — вот-вот заплачет.

— Нет... нет, это неправда. К кому же мне обратиться? — Голос изменился, слова прорывались сквозь неровное дыхание.

— Это никому не под силу.

Девушка вскрикнула и закрыла лицо руками поверх вуали. Сквозь рыдания были слышны невнятные слова.

Глядя на нее, Шоусюэ испытывала какое-то странное чувство. Да, изредка встречались такие пожелания. Но хотя к самой Шоусюэ с подобной просьбой обратились впервые, она помнила, что к ее предшественнице, предыдущей госпоже Вороне, приходили с тем же. И ответы госпожи Линян были похожи на тот, что дала сейчас Шоусюэ. Таким просительницам приходилось отказывать...

И Шоусюэ придется это сделать. Она еле слышно вздохнула, желая избавиться от этого осадка, и указала на дверь.

— Тебе лучше уйти.

Девушка, тихо всхлипывая, попятилась, нерешительно повернулась — от этого движения вуаль соскользнула с ее головы — и, пошатываясь, покинула дворец. Шоусюэ легко взмахнула рукой, дверь закрылась. Цзюцзю, замершая на месте, сглотнула и моргнула, словно приходя в себя.

— Что же с ней будет?

Подойдя к месту, где стояла девушка, служанка наклонилась и подняла упавшую вуаль.

— Не знаю.

А что еще Шоусюэ могла ответить?

— Она хотела вернуть кого-то из мертвых... Наверное, потеряла очень дорогого человека, — вздохнув, сказала Цзюцзю, легонько встряхнула вуаль и передала Шоусюэ. — А с этим что делать?

Шоусюэ посмотрела на ткань. Дорогой шелк мягко блестел. Девушка почувствовала нежный

запах благовоний — видимо, вуаль специально окуривали. Запах сладковатый, похож на аромат лилий... «Софуко», «Аромат любви».

Этот запах был ей знаком. Такие благовония были у предыдущей госпожи Вороны — Линян. Внезапно нахлынувшие воспоминания ошеломили Шоусюэ. Они были настолько сильны, что у девушки перехватило дыхание.

— Их воскуряют для возлюбленного или дарят любимым. — Цзюцзю тоже принялась к вуали. — Положу в шкаф. Может быть, та прислужница еще придет за ней.

Это вряд ли. Если уж она наведалась сюда скрытно, пряча лицо, сложно представить, что придет еще раз, чтобы забрать забытую вещь. Но Шоусюэ спорить не стала.

— Делай как знаешь, — проговорила она.

Возможно, ее подтолкнул к этому запах? Она так резко повернулась к дальнему углу комнаты, что взметнулись рукава платья. Там, под многослойным балдахином, находилась ее постель.

— Вы уже ложитесь?

— Да.

— Тогда нужно переодеться...

— Я сама.

— Так нельзя, госпожа! — возразила Цзюцзю, войдя внутрь занавесей вслед за хозяйкой.

До появления Цзюцзю Шоусюэ жила без служанки, справляясь со всем сама. С переодеванием, с умыванием... Вернее, ей хотелось делать

все самой. Однако Цзюцзю обижалась: «Тогда зачем я здесь?»

Шоусюэ не стала спорить и позволила служанке выполнить свою работу. Она не находила себе места, когда Цзюцзю обижалась. Хотя странно, что хозяйка переживает за настрояние прислуги.

«Никак не привыкну к тому, что кто-то находится рядом». Когда была жива Линян, у них тоже не было никакой прислуги. Вместе с ними жила лишь старуха-рабыня. После смерти Линян Шоусюэ осталась одна, если не считать золотую птицу Синсин. Такова жизнь Вороны-уфэй.

Теперь здесь оказались две прислужницы, Цзюцзю и Хунцяо. Время от времени захаживает и один любопытствующий гость... Иногда она даже думает: а дозволено ли ей это? Ведь не общаться с людьми, не приближаться к ним — такой должна быть жизнь Вороны-уфэй.

Цзюцзю протянула руку к платью Шоусюэ и развязала пояс. Наблюдавшую за ее движениями хозяйку обуревали разные чувства: неуверенность, сожаление, беспокойство.

— Цзюцзю, стой, — вдруг сказала она, посмотрев на дверь.

Синсин суетливо хлопала крыльями.

— Ой... Неужели еще кто-то пожаловал?

— Похоже на то.

— Может быть, правитель?

— С чего бы? — тут же возразила Шоусюэ. — Он ведь только вчера приходил. Не может же он навещать меня так часто!

— Вы опять за свое...

Впрочем, когда приходил император Гао-цзюнь, Шоусюэ сразу это чувствовала. Но это был не он. Девушка снова завязала пояс и вышла из-за занавесей. Снаружи послышался тонкий голосок:

— Прошу прощения. Не изволите ли открыть?

Смущенный голос мальчика... Раз мальчик живет на женской половине дворца, значит, это евнух.

— Госпожа Ворона, меня зовут И Сыха. Я...

Не расслышав имя, Шоусюэ склонила голову к плечу. Цзюцзю охнула, и хозяйка посмотрела на нее.

— Я его знаю. Это евнух из Фэйянь-гун, Дворца летящей ласточки, — пояснила служанка.

Там Цзюцзю работала раньше. Шоусюэ взмахнула рукой, и дверь открылась. У дверей, с беспокойством на лице, стоял небольшого роста мальчик в серой одежде. Ему было не больше одиннадцати лет. На загорелой коже — россыпь веснушек, круглые глаза, внимательно оглядывающие комнату, обаятельная мордашка. Его облик был полон детской простоты и открытости. Увидев Шоусюэ, мальчишка испуганно заморгал, но, заметив Цзюцзю, улыбнулся с облегчением. Шоусюэ бросились в глаза его умильно кривые зубки.

— Госпожа Цзюцзю!

Мальчик невольно подался к служанке, но спохватился и бросился на колени. Затем, сложив руки у груди, склонил голову.

— Прошу прощения, госпожа Ворона. Я И Сыха из Дворца летящей ласточки, — запинаясь, представился он.

Наверное, совсем недолго во дворце...

— Он чуэр, ученик. Его взяли сюда недавно, в начале весны, — решила помочь Цзюцзю.

— Ясно, — сказала Шоусюэ. — Подними голову. Можешь встать.

И Сыха послушно вскочил. Лицо мальчика застыло, словно от напряжения. Он стоял, вытянув руки по швам, до самых кончиков пальцев.

— Не торчи там. Подойди и сядь.

Шоусюэ указала на стол и стулья, расставленные посередине комнаты, и села сама. Мальчик растерянно захлопал глазами. Обычно евнухи перед придворными дамами не садятся, тем более лицом к лицу. Но ведь это — Емин-гун, Дворец, сияющий в ночи, где обитает госпожа Ворона. Здесь не смотрят на дворцовые правила.

— Сядь, — коротко повторила Шоусюэ, но И Сыха все так же растерянно топтался на месте.

— Не бойся, на тебя не рассердятся, если ты сядешь. Подойди к госпоже, — поощрила мальчика Цзюцзю.

Но он все равно не двигался с места и, опустив глаза, чуть не плакал. Глядя, как юный ев-

нук, уставившись в пол, переминается с ноги на ногу, Шоусюэ догадалась:

— У тебя ноги болят?

Услышав это, И Сыха вздрогнул. Похоже, так и есть. Ведь мальчик и вставал с пола осторожно, сжав губы.

— Ты не можешь сидеть, потому что больно, так? Сзади болит?

Шоусюэ подошла к мальчику и взялась за подол его халата. И Сыха вздрогнул и попытался отстраниться. Шоусюэ, не обращая на него внимания, задрала подол и с помощью служанки приспустила штаны. Показалась белая незагорелая кожа. Увидев ноги мальчика, Цзюцзю прикрыла рот рукой.

— Какой ужас!

Вся задняя поверхность бедер мальчишки была покрыта страшными кровоподтеками. Хуже всего раны выглядели в середине: кожа лопнула, сочится кровь, вокруг все красное и опухшее.

— Это раны от ударов палкой. Тебя наказали?

Шоусюэ быстро поняла, в чем дело, потому что ей самой приходилось такое испытывать. В бытность свою домашней рабыней ежедневно подвергаться таким побоям было для нее обычным делом. Поэтому поведение И Сыха было ей знакомо.

— Новичков во дворце часто бьют наставники. Но это уж слишком... — Цзюцзю поблелела.

— Я неправильно говорю со старшими, — пояснил И Сыха. — Учитель постоянно гневается на меня.

Учителем называли наставника евнухов.

— Разве можно обращать внимание на такие вещи? Тебе и столичный говор, наверное, освоить тяжело... Ты сам откуда?

Имя «И Сыха» было явно не местным. В стране Сяо много всяких племен, больших и малых. Шоусюэ и сама была родом из немногочисленного северного племени.

— Из Лангу, племя хатань. Это на юге провинции Ин, у моря.

— Далеко!

— Да. Но у нас немало детей, которых отдают в евнухи. Одной рыбой сыт не будешь...

То есть избавляются от лишних ртов. Евнух получает плату, а если продвинется по службе, то сможет помогать семье. Стремясь к этому, некоторые сами идут в евнухи, а некоторые, как И Сыха, просто вынуждены так поступать. Стать евнухом означало перестать быть мужчиной физиологически. Некоторые даже умирали под ножом. Это совсем не то же самое, что просто поступить на государственную службу. Шоусюэ задумалась о том, какие чувства испытывал мальчик, принимая это решение.

Осмотрев его раны, девушка приказала Цзюцзю принести коробку со снадобьями. Потом подтащила ближе лежак, стоявший в углу, и уложила на него И Сыха лицом вниз. Вытащив из ко-

робки сверток с порошком пухуан, она раскрыла его. Пухуан — пыльца рогоза, хорошо заживляющая увечья...

Нанеся порошок на раны, Шоусюэ приложила хлопковую ткань и замотала полосками белой материи. Пока она лечила мальчика, тот лежал без движения.

— Все. Можешь встать.

— Сп... спасибо вам! — И Сыха смущенно приводил в порядок одежду.

Шоусюэ, усадив его на лежанку, посоветовала:

— Сиди так, чтобы не касаться ранами сиденья. Тогда не будет больно. И...

Она повернула свой стул к мальчику и села сама.

— О чем ты хотел меня попросить?

Вряд ли он пришел, чтобы ему обработали раны, есть другая проблема. И Сыха, положив руки на сдвинутые колени, подбирал слова. Затем начал, подобострастно глядя на Шоусюэ:

— Я...

В его глазах плескался страх — не рассердится ли хозяйка. При мысли о том, что этот страх уже проник глубоко в душу мальчика из-за того, что учитель причинял ему боль, Шоусюэ охватила жалость.

— Ты наверняка хотел что-то у меня попросить. Сюда все приходят за этим, — подбодрила она И Сыха.

Тот коротко кивнул, а затем, словно решившись, заговорил:

— Там стоит ребенок.

— Какой ребенок?

— Моего возраста или чуть старше. Евнух. Он стоит в саду Дворца летящей ласточки.

Видимо, имелся в виду призрак мальчика-евнуха... Шоусюэ кивнула и сделала И Сыха знак продолжать.

— В углу сада цветет ирис, «ласточкин цветок». Там болотистая земля. Среди цветов он и стоит. И глядит на дворец. Не двигается. Просто смотрит в одну сторону. И у него такое печальное лицо... Вот только... — Мальчик отвел взгляд. — Его вижу только я. Я говорил другим, но все отвечают, что духа не видно. А учитель рассердился — мол, не болтай ерунды.

Наверное, за это и наказал. И Сыха снова съежился, как будто боль вернулась.

— Он точно там стоит, но все говорят, что я странный. Это правда? Я не понимаю...

Он дернул щекой. Мальчишка боялся. Призрак это или что-то еще, но ему страшно.

— Я не слышала, чтобы в Фэйянь-гун появлялся призрак, — растерянно пробормотала Цзюцзю.

Лицо мальчика скривилось, казалось, он вот-вот заплачет, поэтому Цзюцзю поспешила добавить, утешая его:

— Когда говорят о призраках, обычно имеют в виду духов служанок или наложниц. Может быть, я просто не слышала о духах евнухов.

Но это не помогло — мальчик начал всхлипывать. Цзюцзю взглянула на Шоусюэ, словно